

В.В. Кривошеев

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
О МЕТОДОЛОГИИ КОНСТРУКТИВИЗМА И ЕЕ КРИТИКЕ**

68

Рассматриваются основные положения конструктивизма, в особенности взгляды А.А. Зиновьева, показываются методы и способы критики этих положений.

This article contains the basic theses of constructivism, in particular Zinoviev's position, shows methods and ways of criticism of these theses.

Современная отечественная социология при всем многообразии используемых ею приемов постижения социальной реальности, обилии исследований и публикуемых результатов, видимой открытости поиска ответов на непростые вопросы, которые диктуются российской реальностью, пребывает все же, как представляется, далеко не в лучшем состоянии. И проблема заключается, конечно, далеко не только в конфликте, свойственном ныне разным группам внутри социологического сообщества, который приводит и к существенным научным издержкам, не позволяющим сосредоточить внимание специалистов на творческом поиске. Проявляется стремление, по крайней мере части социологов, вновь лучше всех услышать власть и угодить ее желаниям. В отечественных социологических исследованиях по-прежнему немало повторов, а заемные категории западной социологии к месту и не к месту присутствуют во многих статьях и монографиях. Сейчас не найти, по сути, ни одной публикации без «практик», «габитуса», «дискурса», «коммуникации». Все это, на наш взгляд, выдает некую растерянность социологического ученого мира. При этом едва ли не в качестве главной проблемы современной российской социологии все еще выдвигается, как ни странно, уточнение предмета социологического анализа. Оказывается, что важно не просто отметить, что общество — это система, надо еще охарактеризовать специфику этой системы, факторы, ее образующие [1]. А реальное российское общество, его структуры, элементы, процессы, в нем происходящие, попадают по большей части лишь в описательные комментарии к различным опросам, замерам и т. п.

Почему-то все чаще стал проявляться и некий социологический снобизм, который мы связываем с попытками некоторых социологов выстроить своих коллег по ранжиру, вновь утвердить определенную точку зрения в качестве единственно возможной, а значит, само собой, и верной. Авторы даже не замечают, что порой попадают в логические ловушки, одновременно и утверждая, и опровергая только что заяв-

ленный тезис. Так, М.О. Мнацаканян с негодованием фиксирует, что «нередко школы и направления противопоставляются друг другу, делятся на “правых” и “не правых”, “научных” и “не научных” с претензией на исключительное право представлять социологическую науку». Вроде бы хорошо сказано, не полагается в наше-то время выступать с позиции единственно истинного учения. Но тут же, чуть ли не через строчку, социолог начинает бранить своих коллег по цеху: «Становится, кажется, модой, когда авторы (а их немало) личные ощущения, переживания, свой общий взгляд на важные социальные процессы провозглашают в качестве конечных научных истин, не подозревая, что низводят социологию до уровня бытовой науки. Ибо в таких рассуждениях отсутствуют и научные аргументы, и научный анализ, и научные подходы» [2, с. 73]. Понять бы еще, что такое «бытовая наука», и совсем все будет ясно в аргументации держателей истины в конечной инстанции.

69

Но наиболее распространенным упреком в адрес социологов является утверждение, что без опоры на эмпирические данные все теоретические построения и возможные концепты выглядят не более чем недоразумением, случайным изыском, мнением. Об этом достаточно открыто заявлено, к примеру, в одной из редакционных статей в «Социологических исследованиях». Здесь же обнаружена и фактическая оппозиция: эмпирические исследования слабо связаны с теорией, а теоретические размышления оторваны от данных конкретной социологии [3, с. 3–5]. Данная позиция представляется не столько спорной (вероятно, бесспорных положений в социальной науке вообще нет), сколько слишком категоричной, односторонней. А с такой категоричностью уже трудно согласиться, и вот по каким причинам.

Во-первых, предпочтение, выделение эмпирических исследований в качестве базовой опоры всего научного поиска, приоритетного начала в познании социального противоречит всей логике исследования. Ведь сама фиксация фактов, измерение, выявление на этой основе неких процессов неотторжимо от заданного концепта, предварительного общего видения проблемы. Тем более, давно замечено, что сами по себе наблюдения и опыт еще не определяют специфического содержания науки. Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается научное сообщество в данное время, всегда являются личные и исторические факторы — элемент по видимости случайный и произвольный. В то же время и наличие этого элемента не умаляет роли той совокупности фактического материала, на которой основана деятельность сообщества [4, с. 23].

Во-вторых, абсолютизация самой эмпирической основы любого теоретического поиска вольно или невольно приводит и к преувеличению значения, роли самого инструментария, которым пользуется исследователь в ходе измерения социального явления. Ссылки на данные об опросах, замерах точно и как будто вполне репрезентативно выявляющих предпочтения и мнения, завораживают, не позволяют наиболее определенно установить, насколько сам безупречно выглядит инструмент может ли он гарантировать возможно полную достоверность получаемой информации.

Любопытные данные, характеризующие некоторые негативные моменты, связанные с инструментарием эмпирических исследований, приводят французские социологи. Еще в марте — апреле 1962 г. во Франции было проведено сравнительное исследование, ставящее целью уточнение самого инструментария социологического анализа.

Происходило это следующим образом. В одной из анкет, распространяемых среди участников исследования, вопрос, касающийся ситуации вокруг так называемого «общего рынка», был сформулирован следующим образом: *Шесть европейских стран — Германия, Бельгия, Франция, Италия, Люксембург, Швейцария заключили соглашение об «общем рынке». В частности, предусматривается свободная циркуляция рабочей силы между шестью странами, т.е. любой человек при желании может поселиться и работать в другой стране. Считаете ли Вы, что свободное перемещение трудящихся это хорошо, плохо или не имеет значения?* Ответы были получены такие: **«это хорошо» — 61 %** от числа опрошенных, **«это плохо» — 18 %**, «это не имеет значения» — 9 процентов. Не ответили 12 %. Также по общенациональной выборке в другой анкете преамбула к вопросу формировалась несколько иначе. В дополнение к тому, что *любой человек при желании может поселиться и работать в другой стране*, в вопросе уточнялось: *Например, итальянцы или немцы смогут поселиться во Франции, а французы смогут работать в Италии или Германии. Считаете ли вы, что свободное перемещение трудящихся — это хорошо, плохо или не имеет значения?* Ответы распределились следующим образом: **«это хорошо» — 48 %** от числа респондентов, **«это плохо» — 25 %**, «это не имеет значения» — 12 %. Не ответили 15 % [5, с. 237—238].

Столь обстоятельная ссылка потребовалась нам для того, чтобы показать уязвимость предпочтений, которые могут отдаваться сведениям, получаемым в ходе подобных эмпирических исследований. Нетрудно заметить, что ментальность французов, забытые ими исторические события (исследование проведено спустя каких-то 15—17 лет после окончания Второй мировой войны) вольно или невольно повлияли на полученные результаты, хотя, казалось бы, содержание вопроса изменилось несущественно. Во втором случае содержится прямое указание на возможность приезда *немцев*, в первой анкете такого указания нет. А теперь допустим, что один социолог будет оперировать одними данными, а другой иными. Неужели их выводы могут быть одинаковыми? И кто из них окажется ближе к описанию социальной реальности? Трудно поэтому не согласиться с утверждением, что в известном смысле все «факты» искажены нашими методами и до некоторой степени подвергнуты интерпретации [6, с. 199].

В-третьих, современная социология все более склоняется к *идее предварительной конструкции*. Речь идет о том, что перед началом, да и в ходе исследования социолог в любом случае занимается своеобразным созданием, конструированием объекта изучения. Мысль о создании теоретической конструкции, предшествующей проникновению в существо социальных явлений и процессов, не нова, она принадлежит М. Веберу, который неоднократно высказывался по поводу такой познавательной процедуры, создавая свое видение идеальных типов. Вебер, к примеру, отмечал, что и К. Маркс создал вполне определенную идеально-типическую *конструкцию* [7, с. 204].

Но, видимо, наиболее полно конструктивистская концепция получает развитие в настоящее время, что связано, в частности, и с распрощанием герменевтического подхода, основанного на определении онтологической роли языка и базирующегося на нем понимания. Выделяется, к примеру, такой аспект конструирования социального объекта, как установление связи между внешней точкой зрения наблюдателя на то, что он изучает, и способами восприятия и переживания акторами того, что они делают в ходе своих действий [8, с. 18].

Изложенное выше в качестве некоторых предварительных замечаний с одной стороны, позволяет показать вполне определенную ограниченность оппозиции по линии «эмпирическое исследование — теоретический анализ», а с другой — дает возможность перейти к описанию принципиально нового подхода к социологическому анализу действительности, который, как представляется, присущ творчеству недавно умершего Александра Александровича Зиновьева. Именно ему в отечественной социальной науке удалось не только преодолеть противопоставление важности конкретных исследований и замеров потребности в теоретическом осмыслении социальной реальности, но и убедительно раскрыть, выразить новое понимание эмпиризма, изначально не сводимого, как известно, к игре фиксируемых и измеряемых фактов. Сам социальный факт как основа анализа получает у Зиновьева новое методологическое прочтение.

Зиновьев делает реальным королем общественных наук, говоря языком Р. Дарендорфа [9, с. 7], социальный анализ, в котором сплетаются строгая теория, нормативные предположения и историческое содержание. При этом не отвергаются по-своему трактуемые эмпирические приемы, что дает возможность обеспечить синтез, органическое единство всех граней социального познания. Сама позиция исследователя, общее видение им изучаемой проблемы включается в поиск ответов на сформулированные вопросы. Это, наверное, и есть та ситуация, когда из убеждений нельзя вырваться, не разорвав своего сердца. Вся боль, все переживания, интуитивное угадывание ключевых аспектов существования изучаемого объекта включаются социологом в творческий поиск.

В этой связи нельзя обойти вниманием известное положение М. Вебера, сравнивавшего социолога с врачом. Но даже этот классик социологии, столь много сделавший для конституирования строгих научных методов в социальном познании, отмечал, что «отсутствие убеждений и научная “объективность” ни в какой степени не родственны друг другу» [7, с. 157]. Отправным пунктом интереса в области социальных наук служит, с точки зрения Вебера, «действительная, т.е. индивидуальная структура окружающей нас социокультурной жизни в ее универсальной, но тем самым, конечно, не теряющей своей индивидуальной связи в ее становлении из других, также индивидуальных по своей структуре культур. ...В социальных науках речь идет о роли духовных процессов, “понять” которые в сопереживании — совсем иная по своей специфике задача, чем та, которая может быть разрешена (даже если исследователь к этому стремится) с помощью точных формул естественных наук» [7, с. 172]. Что касается объективной значимости всякого эмпирического знания, то, по мнению немецкого социолога, «она состоит в том — и

только в том, — что данная *действительность упорядочивается* (курсив наш. — В.К.) по категориям в некоем специфическом смысле субъективным» [7, с. 212].

Зиновьев не отвергает, естественно, эмпирически фиксируемые свойства изучаемого им объекта, в качестве какового выступает российское общество и в его прошлом, и в современном состоянии, однако он к этим свойствам на основе сжатого предварительного согласования большой совокупности фактов с последующим конструированием общего плана объекта. Он действительно упорядочивает реальность. Разве можно, например, отвергнуть в постижении социальной реальности такой вполне эмпирический метод, как наблюдение? И Зиновьев использует его, он пристально всматривается в процессы, сжимая социальное время, систематизируя явления, обращаясь к сущностной их стороне.

Но делает это вполне оригинально, используя, по сути, и некоторые художественные приемы. Достаточно откровенно, к примеру, определяет он жанр некоторых своих работ как «социологический роман». И эти произведения, в частности и давние «Зияющие высоты», и «Катастрожка», и своего рода итоговая по указанной проблематике «Русская трагедия. Гибель утопии», действительно во многом напоминают художественные. Но именно *напоминают*, хотя там и действуют некие персонажи, вроде бы литературные герои. И все же что-то весьма существенное мешает оценивать их только так.

Художественный образ рождается у Зиновьева на основе, можно сказать, предельного обобщения реальных действующих акторов. Затем эти акторы-образы помещаются в определенное социальное пространство, погружаются в конкретные ситуации, начинают действовать на основе не вымысла, а опять-таки обобщенной реальности. В этом отношении и диалоги Критика с Автором [10], и Чернов, Белов, Маодзедунька [11], все их суждения, поведенческие акты, ситуации, в которых они оказываются, не могут оцениваться только как художественное допущение. Это — концентрат социальной реальности, ее наиболее полное, сфокусированное выражение. Скажем, сформулированная вымышленным Беловым позиция «социологического цинизма» в сущности своей отнюдь не вымышлена. Сама биография, поведенческие акты Белова потребовались Зиновьеву для того, чтобы показать реальное место в социальной жизни России тех, кто прилично живет и даже преуспевает за счет мнимой борьбы с недостатками общества [11, с. 290–291].

Или, к примеру, обратимся к оценке Зиновьевым роли в социальной жизни СССР трудовых коллективов и выяснению их отличия от деятельностных социальных объектов на Западе. Разве нельзя увидеть за приведенными обобщениями саму действительность? Зиновьев полагает, что вся жизнь советского человека проходила в неких социальных клеточках, среди которых особое место занимали коллективы. Для выполнения своих функций клеточка-коллектив получает от общества средства вознаграждения сотрудников за труд и необходимые средства деятельности. Все сотрудники клеточек являются наемными рабочими или служащими. Указанные клеточки — суть социальные структурные элементы общества. В этих клеточках люди не только трудятся, но про-

водят время в среде знакомых и друзей, обмениваются неделовой информацией, развлекаются, занимаются спортом, общественной работой, участвуют в самодеятельных творческих объединениях, получают жилье, места для детей в детских садах, путевки в дома отдыха, пособия и т.п. Повторяя за Зиновьевым весь этот функциональный перечень, мы также переходим и к логичному выводу: советское общество создало особую социальность, а коллективы оказались носителями основных, главных социальных отношений того общества, которое российский социолог называет *подлинно коммунистическим* [10, с. 134–135]. Стало быть, и разрушение советского типа общественного устройства предполагало и на деле означало уничтожение этих первичных социальных клеточек, формирование на их месте деятельностных образований по западному образцу. Естественно, что ментальность, социальные привычки российских граждан по-своему нацелены, осмысленно или беотчетно, на сопротивление указанному преобразованию. Данным обстоятельством, скорее всего, можно объяснить и многие трудности трансформации современного российского общества. Конечно, Зиновьев мог бы сослаться на конкретные выкладки, данные эмпирических исследований, статистику, выстраивать все эти таблицы и т.п. Но разве приведенный выше анализ не содержит концентрата действительности и реальных процессов, свойственных российской социальной жизни?

Тесно связано с анализом роли первичных социальных клеточек и еще одно, пожалуй, самое значительное достижение предлагаемого Зиновьевым подхода к выявлению сущности социальной действительности. Речь идет о предельно точном, сущностном определении роли и места КПСС в политической системе советского общества. Очевидно, что без такого определения не понять многое из происходившего в начале 90-х годов минувшего теперь века, да и в современном российском обществе. Ведь если определять место КПСС как действительно политической партии, то все шаги по департизации социальной, политической, экономической, духовной жизни, по строительству реальной многопартийности выглядят логичными, последовательными. Но если подойти к оценке этой организации с позиции Зиновьева, то обнаруживается, что кажущаяся простота и внешняя логичность теоретических построений рассыпаются, не выдерживают натиска предельно обобщенного видения фактов.

Зиновьев определяет КПСС как *саму государственность* [11, с. 389]. Иными словами, получается, что эта якобы политическая организация в реальном своем положении выполняла роль несущей конструкции всей политической системы. Всевластвующая организация реально олицетворяла собой государственное устройство, все скрепы общественного устройства, причем довольно продолжительное время. Вскоре после 1917 года компартия срачивается с государством, становится единым с ним политическим организмом. В силу этого Зиновьев фиксирует: «Крах КПСС равносителен краху нашей государственности, а значит — страны вообще» [11, с. 389]. Именно такие выводы делают понятными, раскодированными, демифологизированными все события последнего десятилетия. И разрушение советского строя, и разрушение

СССР, появление национальных образований на месте единой, но федеративной страны были бы невозможны, если бы не был нанесен удар в сердцевину советской / российской государственности. Получается, что демократические силы в конце 1980-х — начале 1990-х метили вроде бы в КПСС, в ее отчаянно надоевший монополизм, а попали в самые основы государства, его устройства.

Не потому ли до сих пор, теперь уже в начале XXI века, когда развитые общества вполне определенно утверждают возможность перехода в ближайшие годы к нано-технологиям, мы, россияне, продолжаем заниматься государственным строительством? Может, потому, что так легко в очередной раз, к слову заметить, отказались от прежних основ социокультурной жизни? При этом мы вслед за Зиновьевым, конечно, не оправдываем существовавший строй с точки зрения его легитимности, правовой и моральной оправданности. Но социолог имел дело с действительностью, в этом случае он на самом деле как врачеватель поставил диагноз, указал на узловые пункты проблемы. Зиновьев, конечно, не соглашается с существовавшим всевластием КПСС. Но ведь это была социальная реальность, преодоление которой требовало значительно больших усилий, большей рациональности тех, кто намеревался реформировать бытйствовавшую социальную систему.

Таким образом, конструируя социальную реальность, формируя свой, весьма своеобразный социальный мир, Зиновьев настолько приближается к реальности, настолько логично выстраивает свое видение проблем, что невольно ловишь себя на мысли, что при всем желании возразить, попытаться преодолеть жесткую заданность позиции социолога сделать это вряд ли удастся.

Итак, при всей тяге к конкретным исследованиям и невозможности обойтись без измерений реальности, на которых вроде бы только и можно строить теории и концепции, нельзя отказаться и от конструктивизма, от предварительного моделирования социальной реальности. Неслучайно П. Бурдье полагал, что «вершина мастерства в социальных науках заключается в умении быть вовлеченным в очень высокие “теоретические” материи благодаря весьма определенным, а зачастую, несомненно, очень земным, если не ничтожным, эмпирическим объектам. ...Что на самом деле имеет значение, так это строгость конструирования объекта (курсив наш. — В.К.). Сила (научного) способа мышления никогда не проявляется отчетливее, чем в способности превращать даже незначительные с социальной точки зрения объекты в научные объекты...» [12, с. 376].

Представляется, что именно творчество А.А. Зиновьева дает такой наглядный пример. И строгое конструирование социального объекта, и потрясающее умение превращать казалось бы незначительные социальные детали, сюжеты в объект научного исследования в полной мере присущи этому социологу, беспощадно точно и полно выражающему наиболее глубокие свойства нашего прошлого, настоящего, да, наверное, и будущего. Конструктивистская методология, как представляется, не только не исчерпала себя со времен М. Вебера, но и выступает в качестве важнейшей основы современного социального познания.

Список литературы

1. *Бороноев А.О., Смирнов П.И.* О понятиях «общество» и «социальное» // Социологические исследования. 2003. № 8.
2. *Мнацаканян М.О.* Мыслим ли мы социологически? // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 73.
3. *Социологические исследования.* 2002. № 1.
4. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003.
5. *Ленуар Р., Мерлье Д., Шампань П.* Начала практической социологии. М., 2001.
6. *Тернер Д.* Аналитическое теоретизирование // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2.
7. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 1.
8. *Коркюф Ф.* Новые социологии. М., 2002.
9. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002.
10. *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. Гибель утопии. М., 2002.
11. *Зиновьев А.А.* Катастрофка. М., 2003.
12. *Бурдые П.* Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2.

Об авторе